У 226/1816

2007050240

И 226/1816

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА
34811-44

СВ. КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ—СЛАВЯНЕ, А НЕ ГРЕКИ.

(Отрывокъ изъ разсужденія)

Кто были родомъ св. Кириллъ и Меѳодій — славяне или греки?

Этотъ вопросъ долгое время былъ пропускаемъ и обходимъ, или упоминаемъ вскользь изслѣдователями. (*) Они обращали преимущественно вниманіе на другіе важнѣйшіе въ ихъ глазахъ предметы: изобрѣтеніе грамоты и языкъ перевода.

Большая часть изслѣдователей склонялась, впрочемъ, къ мнѣнію, что Кириллъ и Меѳодій были греки, основываясь преимущественно на томъ, что они родились въ греческомъ городѣ, знали отлично греческій языкъ, служили въ греческой службѣ, были въ связи съ греческимъ дворомъ.

Недавно только г. Гильфердингъ приблизился къ другому мнѣнію, хоть и съ большою оговоркою, сказавъ: мы вправѣ признавать возможнымъ и до нѣкоторой степени вѣроятнымъ, что (Кир. и Мео.), какъ многіе другіе знатные византійцы,

(*) См. Шлецера Несторъ, II, с. 472, Добровскаго Кириллъ и Меѳодій, въ моемъ перев. с. 47; Карамзина, Исторія Г. Р. т. I, с. 111; Шафарика Слав. Древности, въ переводѣ пр. Бодянскаго, т. II, ч. I, с. 313, 329; Копитара Kleinere Schriften, с. 62 Калайдовича Іоаннъ, экзархъ болгарскій, с. 3.

были славянскаго происхожденія... Но съ другой стороны мы должны признать достовѣрнымъ и то, что уже отецъ ихъ не принадлежалъ народу славянскому, что они были и считали себя греками. (*)

Въ наше время, въ эпоху сознанія народностей, вопросъ этотъ привлекаетъ къ себѣ больше вниманія, и намъ очень желалось бы во храмѣ славянской исторіи поставить образы такихъ двухъ великихъ дѣятелей, какъ св. Кириллъ и Меѳодій.

Прямыхъ, положительныхъ свидѣтельствъ, въ первыхъ источникахъ, нѣтъ—какъ въ пользу греческаго, такъ и въ пользу славянскаго происхожденія: мы должны отыскивать оное посредствомъ соображеній и наведеній.

Мнѣ кажется, что они были славяне.

Всѣ прежнія основанія ихъ греческаго происхожденія не представляютъ никакой особенной прочности, и легко ослабляются противоположными разсужденіями: рожденіе въ Солунѣ, служба, связи точно также могутъ принадлежать славянину, какъ и греку. Почему стратигъ Левъ, отецъ св. Кирилла и Меѳодія, не могъ быть славяниномъ, если многіе изъ его современниковъ, на высшихъ мѣстахъ въ имперіи, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, были славяне. Послушаемъ Шафарика: (**)

«Не упоминая уже о полководцахъ, Доброгостѣ, Всегърдѣ (554), Татиміръ (592) Патриціѣ Оногостѣ (575) и др., назовемъ Никиту патріарха цареградскаго (766 — 780), Никиту пелопонисскаго, тестя Христофора сына Романова (ок. 900), Гаврилопула и Василича, любимцевъ императорскаго опекуна и намѣстника Александра (911), Борила и Германа, наперсниковъ императора Никифора Ботоніата (1078) и иныхъ. Извѣстно также, что императоръ Василій, прозванный македонянином (867—886), былъ родомъ славянинъ, на

(*) День, 1862, № 29, с. 14.

(**) Т. II, кн. 1, ст. 325. Славянскія Древности.

что указываетъ и его выраженіе, какъ борца (κατὰ πόδεσαν, т. е. подрѣзъ, подрѣзывать, succisio), равно какъ и свидѣтельство арабскаго историка Гамзы.» Самъ Юстиніанъ, можно полагать навѣрное, говоритъ Шафарикъ, происходилъ отъ славянскаго рода, поселившагося еще въ концѣ пятаго вѣка въ Дарданіи. Онъ назывался на своей родинѣ Управда, что соотвѣтствуетъ латинскому его имени Iustinianus. Родина его Ведеріана, въ Верхней Македоніи, отецъ—Истокъ, мать—Бигленица. Это свидѣтельствуетъ біографія его, составленная воспитателемъ его Θеофилокъ. (*)

Селунь — греческій городъ, но въ Кириллово время онъ былъ населенъ славянами въ равной, или еще въ большей степени, какъ и греками, а окружная сторона была тогда и до сихъ поръ есть чисто-славянская страна. Средоточіе тамошней торговли—въ Селунѣ. (**)

Что касается до населеній славянскихъ въ Мизіи, Дарданіи и Македоніи, то Шафарикъ, по основательнымъ причинамъ, относитъ ихъ къ концу еще V столѣтія. (***) По временамъ подчинялись они грекамъ, а по временамъ пріобрѣтали себѣ независимость. Македонія въ это время вся была заселена славянами, и потому называлась тогда Славиніей. (****) Болгаре, покоривши славянъ во всѣхъ этихъ странахъ (678), смѣшались съ ними, подчинились ихъ вліянію, и въ послѣдствіи ославянились.

«Весьма также вѣроятно, продолжаетъ Шафарикъ (*****), что во время зависимости мизійскихъ, дарданскихъ и македонскихъ славянъ отъ грековъ, сѣмя христіанской вѣры прежде всего посѣяно было между ними греческимъ духовенствомъ, и, хотя вторженіе угорскихъ болгаръ приглушило его на нѣкоторое время, но совершенно истребить не могло.

(*) См. с. 256—259.
(**) Ib. с. 339.
(***) Ib. с. 258 и слѣд.
(****) Ib. с. 294.
(*****) с. 261.

Разсуждая a priori—мысль о переводѣ чего-либо съ своего языка на чужой допустить гораздо труднѣе, необычайнѣе, чѣмъ мысль о переводѣ съ чужаго языка на свой. Такъ велось всегда и вездѣ. Греки, напротивъ, привлекали все къ своему языку, свой языкъ считали образцомъ совершенства,— точно такъ и римляне думали о своемъ языкѣ. Всѣ прочіе народы въ глазахъ ихъ были варвары, и, чтобъ сдѣлаться людьми, они должны были овладѣть ихъ языками, греческимъ и римскимъ. Даже теперь греки и римляне поступаютъ подобнымъ образомъ: папа твердитъ по-латыни, константинопольскій патріархъ употребляетъ всѣ усилія противъ болгарскаго языка.

Много ли грековъ и римлянъ видимъ мы, въ продолженіи исторіи, между переводчиками на какой-нибудь чужой варварскій языкъ?

Въ IX столѣтіи греку, самому высокообразованному, мысль перевести Св. Писаніе, ввести богослуженіе на чужомъ языкѣ, было бы событіемъ безпримѣрнымъ,—еще болѣе: распространеніе чужаго языка сдѣлать задачею всей своей жизни, посвятить ему всѣ свои труды, съ такою настойчивостью и такимъ самопожертвованіемъ!

Въ самой жизни св. Кирилла и Меѳодія мы не видимъ греческихъ признаковъ: грековъ тянуло всегда домой, а св. Кириллъ и Меѳодій представляютъ какъ бы родовую славянскую особенность, путешествуя безпрерывно изъ Константинополя къ казарамъ, къ аравитянамъ, къ болгарамъ, къ моравлянамъ, въ Римъ. Они не вспоминаютъ ни при какомъ случаѣ о своемъ мнимомъ отечествѣ; не вступаютъ ни въ какія сношенія и не имѣютъ при себѣ никого изъ своихъ соотечественниковъ. Кириллъ кончаетъ жизнь свою въ Римѣ, Меѳодій въ Велеградѣ. Спутники ихъ и ученики пишутъ по-славянски, а не по-гречески, и подвергшіеся гоненіямъ ищутъ себѣ убѣжища не въ Греціи, а между славянами. (*)

(*) Одинъ изъ слушателей этой статьи въ рукописи г. П. замѣтилъ очень справедливо, что самое путешествіе Кирилла и Меѳодія въ Римъ

Конечно, все это гаданія, кои я представляю предварительно на усмотрѣніе читателей.

Послѣ разсужденій a priori, обратимся къ разсужденіямъ a posteriori, обозримъ внимательнѣе свидѣтельства: не найдемъ ли мы тамъ какихъ полезныхъ указаній.

Въ житіи, современномъ Меѳодію, сказано: Бѣ же рода не худа отъ обоюду, но вельми добра и честна, знаема первее Богомъ и царемъ и всею селунскою страною... потому же и греци любяще и издетска, честныя бесѣды дѣяху.

Я спрашиваю: еслибъ авторъ житія считалъ св. Кирилла и Меѳодія греками, то къ какой бы стати онъ предложилъ замѣчаніе, что греки любили ихъ изъ-дѣтства. Еслибъ они были греки, то о любви къ нимъ грековъ нечего бы и говорить. (*)

Да и предыдущее выраженіе объ извѣстности братьевъ во всей селунской странѣ, по своей обстановкѣ указываетъ скорѣе на славянское происхожденіе, чѣмъ греческое.

Послѣ вышеприведенныхъ словъ о Меѳодіѣ въ житіи сказано: дондеже царь, увидѣвъ быстрость его, княженіе ему дасть держати славеньско... дабы проучился всѣмъ обычаямъ славеньскымъ, и обыклъ я помалу.

Добровскій неправильно перевелъ эти слова, говоря, что Меѳодій поставленъ былъ воеводою на границахъ славянскихъ земель, гдѣ и нашелъ случай учиться по-славянски. Здѣсь говорится объ образѣ жизни славянской, а не объ языкѣ, извѣстномъ Меѳодію прежде.

Признаюсь, это мѣсто кажется мнѣ какою-то странною авторскою прибавкою: Меѳодій назначенъ правителемъ для того, чтобъ познакомился съ образомъ жизни славянскимъ? Этимъ выраженіемъ какъ будто предполагается что-то послѣ.

указываетъ въ нихъ болѣе славянъ, чѣмъ грековъ, которые, кажется, не могли такъ легко и свободно послушаться папскаго вызова.

(*) Я услышалъ недавно о новомъ варіантѣ: Трци вмѣсто Грци. Едва ли это не описка, судя по контексту. Впрочемъ подождемъ изданія профессора Бодянскаго.

Что же? Странно поставлять правителю подобную цѣль: понятно предварительное подготовленіе, а управлять съ цѣлію учиться никакъ нельзя и предположить. Учиться же языку въ этомъ случаѣ вовсе немыслимо.

Въ сказаніи о св. Кириллѣ философѣ по синодальному прологу (№ 247) XIII или XIV в., и другимъ спискамъ, подъ 14 февраля между прочимъ говорится, что св. Кириллъ, взятый къ императорскому двору для воспитанія, «четырьмя языки и философіи научися: еллински, римски, сирски, жидовски.»

Спрашивается — еслибъ еллинскій языкъ былъ природный св. Кириллу, то зачѣмъ было бы учиться ему, и почему не былъ бы упомянутъ здѣсь славянскій языкъ? Ясно ли, что славянскій языкъ былъ св. Кириллу природный,—потому онъ и неупомянутъ, — а по-еллински онъ долженъ былъ учиться.

Сюда же относится и выраженіе въ Кирилловомъ житіи о обученіи его въ Константинополѣ, «Омиру́» и всѣмъ прочимъ *еллиньскымъ* художествамъ (*).

Еллинизмъ считается отъ автора какъ бы чѣмъ-то не своимъ, а чужимъ.

Изъ этихъ оборотовъ мнѣ ясно слышится, что писалъ житія не грекъ, и не о грекахъ.

Кириллъ удержанъ былъ въ Константинополѣ въ званіи учителя: «умолиша и учительны столъ пріяти и учити философіи тоземцы и страные со всякою службою и помощію.»

Опять оборотъ, называющій грековъ туземцами (если такъ понимать туземцевъ), и сопоставляющій ихъ съ странными, отзывается въ пользу нашего мнѣнія.

А еще вѣроятнѣе, что здѣсь вовсе не говорится о грекахъ, а подъ «туземцами» разумѣются селуняне, жившіе въ Константинополѣ, и «странные», то есть приходящіе. Такое распоряженіе учить Кириллу не грековъ, а туземцевъ и стран-

(*) Въ этомъ смыслѣ и въ нашей Четіи-Минеи говорится: не токмо же въ еллинскомъ языкѣ бѣ премудръ, но и въ другихъ языцѣхъ. Римскаго бѣ писанія изучивъ добрѣ и сирской бесѣдѣ и прочимъ иностраннымъ навыче языкомъ. (Сл. Шлецеръ, 11 с. 569.)

ныхъ даетъ, кажется, понять объ ихъ не греческомъ происхожденіи. Еслибы Кириллъ назначенъ былъ просто учителемъ для грековъ, то для чего бы нужно прилагать дальнѣйшія объясненія, для кого именно, и что это за «странные.»

Наконецъ при описаніи посольства моравскаго князя Ростислава съ просьбою объ учителяхъ, царь говоритъ нашимъ братьямъ: «вы бо еста селуняпина, да селуняне всѣ чисто словеньскы бесѣдуютъ.»

Эти слова скорѣе заключаютъ доказательство, что св. Кириллъ и Меѳодій были славяне, чѣмъ греки. Царь какъ бы такъ говоритъ имъ: вы селунцы, а селунцы чисто говорятъ по славянски, и моравляне васъ поймутъ — идите къ нимъ учить ихъ.

Достаточно ли этихъ мѣстъ для мнѣнія, что Кириллъ и Меѳодій были славяне, а не греки, въ дополненіе къ вышеприведеннымъ соображеніямъ? Касательно греческаго происхожденія подобныхъ мѣстъ въ источникахъ не находится.

Но можно, кажется, найдти и еще сильнѣйшія доказательства въ пользу нашего мнѣнія, вотъ какія:

во всякомъ переводѣ, сдѣланномъ иностранцами, даже въ эпоху цвѣтущаго состоянія того или другаго языка, знатокъ, съ чуткимъ ухомъ и зоркимъ глазомъ, подмѣтитъ чуждое происхожденіе, нѣкоторую противоестественность, мертвенность, и отгадаетъ безъ труда, своимъ ли языкомъ пишетъ переводчикъ, или чужимъ. У француза встрѣтятся непремѣнно галлицизмы, у нѣмца германизмы. Пускай поработаютъ наши филологи надъ переводомъ Св. Писанія, и отыщутъ слѣды собственнаго или иностраннаго происхожденія. Нѣкоторыя слова или обороты, новые и необходимые, не идутъ сюда въ разсужденіе: они могутъ найтись у природныхъ переводчиковъ со всѣхъ языковъ; во всякомъ языкѣ всегда бываетъ много иностранныхъ словъ. Филологія не есть мой предметъ спеціальный, и я предоставляю это занимательное и благодарное дѣло ученымъ по ремеслу. Замѣчу только съ своей стороны, что переводъ Кирилла и Меѳодія являетъ важные

признаки самостоятельности, даже и для диллетантовъ — въ двойственномъ напримѣръ числѣ, котораго нѣтъ въ греческомъ подлинникѣ, и въ дательномъ самостоятельномъ, которымъ переводится греческій родительный.

Если филологи подтвердятъ замѣчаніе о живости славянскаго элемента, то вопросъ о славянскомъ происхожденіи св. Кирилла и Меѳодія рѣшится окончательно.

Присоединимъ наконецъ къ этимъ заключеніямъ и соображеніямъ, къ этимъ разсужденіямъ a priori и posteriori, слѣдующія положительныя свидѣтельства: въ житіи св. Кирилла, найденномъ г. Гильфердингомъ въ одномъ сборникѣ (XV—XVI стол.) въ Далмаціи, читается: съи преподобный отецъ нашъ Кириллъ рожденіемъ бысть отъ Селуна града, родомъ съ Болгаріи, отъ благовѣрныхъ родителей родися, имя же ему Левъ и матери же его бѣ Марія и проч. (*)

Въ Климентовомъ похвальномъ словѣ св. Кириллу есть такое выраженіе: прѣидоста оттуду на западныя страны, благовѣствующе слово Божіе въ языкъ новъ, и весь церковный законъ прѣложиша, отъ греческа въ свой имъ языкъ предаста (**).

Excerptum de conversione Carantanorum XIII стол. говоритъ: Supervenit quidam sclavus ab Histriae et Dalmatiae partibus, nomine Methodius, qui adinvenit sclavicas litteras, et sclavice celebravit divinum officium.

Г. Лавровскій (***) осуждаетъ слишкомъ строго это извѣстіе за выводъ Меѳодія изъ Истріи и Далмаціи: точности большой нельзя здѣсь требовать, въ подобныхъ перечняхъ часто встрѣчаются и перестановки, и опущенія, и сокращенія, и соединенія.

Арсеній Сухановъ еще въ XVII стол. слышалъ на Аѳонѣ преданіе, что св. Кириллъ и Меѳодій родились отъ отца бол-

(*) См Извѣстія 2 отдѣленія академіи наукъ, т. VI, выпускъ 5.
(**) О времени происхожденія слав. письменъ, с. 161. пр. Бодянскаго
(***) Ст. 216.

гарина и матери гречанки. Это сказаніе, говоритъ г. Григоровичъ (*), помѣщено въ рукописныхъ преніяхъ Арсенія Суханова. Не понимаю только, почему г. Григоровичъ сообщаетъ это извѣстіе въ объясненіи къ тропарю: пришельца на землю тужду (моравскую), не своему племени, какъ будто и въ тропарѣ указывается славянское происхожденіе братьевъ!

Остается мнѣ объяснить нѣкоторыя возраженія: зальцбургскій лѣтописецъ называетъ Меѳодія: quidam graecus Methodius. Это названіе можетъ означать только православнаго, восточнаго, греческаго проповѣдника, соотвѣтственно нынѣшнему употребленію. (Болгарскій царь Симеонъ назывался полугрекомъ по своему образованію) (**).

Еще менѣе можетъ затруднить прозваніе ромейцевъ, иногда употребленное. Ромейцы—жители восточно-римской имперіи какого бы происхожденія ни были,— это имя можетъ столь же мало означать грека, какъ и римлянина, подобно нынѣшнему названію австрійца, которое можетъ принадлежать и славянину, и венгерцу, и нѣмцу, и волоху.

А вотъ еще доказательство и отъ противнаго. Еслибы Кириллъ и Меѳодій были греки, то нельзя бы объяснить объ нихъ молчаніе греческихъ писателей, которые начинаютъ говорить о нихъ, и то немногіе, очень поздно, и очень поверхностно, неуважительно.

Итакъ, по нашему мнѣнію, Кириллъ и Меѳодій были славяне, получившіе многостороннее греческое образованіе, и въ этомъ только смыслѣ могли называться иногда греками.

М. Погодинъ.

(*) Древне-славянскій памятникъ, Казань, 1862 г.

(**) Шафарикъ, ib. c. 306.

(Изъ журнала *Православное Обозрѣніе* № 5, 1864 г.).

2007050240